

БОЛЬШИЕ ПТИЦЫ

Таланта не бывает много.
Соперники высоких туч,
Большие птицы петать не могут,
Их голос жалок и скрипуч.

Без дела клюв не разевают,
Живут предчувствием войны
И даже не подозревают,
Что голосом обделены.

Большие крылья их возносят
В другую высь, другую спесь.
И самки важные не просят
Их нечто нежненькое спеть.

ЧЕЛОВЕК У БАЗАРНЫХ ВОРОТ

Посидел. Поседел. Обозлился на жизнь
И остатки здоровья спасая «агдамом»,
Обезножев, сидит он и точит ножи
У базарных ворот расфуфыренным дамам:

«Сколько их, незамужних и при мужиках,
Не умеющих справиться нехитрую малость»,
Забывая, что кроме сноровки в руках,
У него самого ничего не осталось.

Завивая в кольцо беломорины дым
И морщина в ухмылке небритые щеки,
Говорит комплименты клиенткам своим
Или, раздухарясь, позволяет намеки.

Все зависит, как на душу ляжет «агдам»,
И тогда все равно: чья жена, чья невеста...
Скалит рот. Но среди перепуганных дам
Есть и те, что способны поставить на место.

А ему хоть бы хны, держит форс мужика,
Для которого фарт не бывает без риска.
Нож в надежной руке, и летят с наждака
Ослепительным веером острые искры.

ПАМЯТИ АРКАДИЯ КУТИЛОВА

За то, что рано выбрал верный след,
За легкую отточенную строчку
Он должен был погибнуть в двадцать лет,
Но Некто в черном выдумал отсрочку.
Отравлен был лирический герой,
А сам поэт разжалован из строя,
И между первой смертью и второй,
Нес на себе он мертвого героя,
Которого не мог и не хотел
Оставить или тихо спрятать где-то.
И запах обреченности густел,
Бежал за ним, опережал поэта.
Экзотикой всегда увлечены,
Но устают эстет и обыватель.
Друзья редели. Морщились чины.
Шарахался испуганный издатель.
Замками дружно лязгали дома...
Искал подвал, чердак или сарайку.
И лишь гостеприимная тюрьма,
Как милостыню, подавала пайку.